

BLIZZARD ENTERTAINMENT

Последняя карта

Роберт Арджет

Нерисса Натולי устало брела по улицам Вестмарша, скользким от потоков воды, льющей с небес. Огни слабо мерцали сквозь пелену дождя, и их блеск казался зловещим в сгущающихся сумерках. Ее больше беспокоили не твари, недавно появившиеся в городе, а слишком холодная погода и туман, сгущавшийся все сильнее, пока не начинался дождь; из-за сырости мостовая была очень скользкая. В плотном шерстяном плаще замерзнуть ей не грозило, но идти под дождем было все равно неприятно, и горько на душе.

Еще год назад она бы путешествовала в экипаже в сопровождении слуг. Конечно, год назад у дверей еще не толпились кредиторы — не нужно было разбираться с уймой долгов и неоплаченных счетов на имя мужа. Она старалась убедить себя, что в глубине души Эштон был хорошим человеком. Но пьянство и азартные игры губили и более великих людей, и сейчас он пропал неизвестно куда, прихватив с собой остатки семейного состояния. Нерисса не винила его, но, ступив в ледяную лужу, ощутила, как желудок болезненно сжался, а рот наполнился горечью.

Она спускалась по улице жилого квартала, вдоль которой высились изящные особняки и росли старые деревья. Нерисса вспомнила о временах, когда она брала с собой Элизабет на балы-маскарады, проводившиеся как раз на этой улице. Тогда у них еще были деньги на новые платья, а улица казалась такой величественной из окна экипажа... А потом экипаж исчез следом за платьями, а деревья стали черными и зловещими, когда их старые перекрученные ветви проступали сквозь пелену тумана.

Лошадей она продала в последнюю очередь. Они были символом семейного

положения, после их продажи уже невозможно было поддерживать даже видимость благополучия. Теперь она шла по мокрым от дождя улицам, словно обычная горожанка. Нерисса проклинала судьбу и мечтала, чтобы Эштон все-таки вернулся живым и невредимым, отринув свои пагубные пристрастия. Обычно она не любила предаваться фантазиям, но сейчас мало что могло ее утешить. Она повторяла про себя, что найдет способ справиться с трудностями. Она не допустит, чтобы ее сестра влачила жалкое существование и умерла в нищете. Одной этой мысли было достаточно, чтобы укрепить дух Нериссы. Она сможет найти выход, и неважно, какую цену придется заплатить за успех.

Свернув на боковую улочку, она наконец увидела цель своего пути: темный силуэт, похожий на каменный утес, открытый всем ветрам. На самом деле это был всего лишь скромный дом, один из тех, что сдавал внаем Винсент Дэстин — богатый, хоть и несколько вульгарный делец и ростовщик. Впрочем, Нериссе казалось, будто дом возвышается над ней, словно грозный исполин. Входить внутрь ей совершенно не хотелось, и она взглянула на дверь, словно ожидая чего-то. Год назад слуга с ее посланием устремился бы к двери, а она бы сидела в экипаже, неторопливо попивая изысканное кеджистанское вино. Сегодня же ей пришлось самой подниматься по ступеням. Она была в ужасе из-за того, что придется просить — нет, умолять — проявить терпение. Ей казалось, что от стыда она провалится сквозь землю.

Нерисса достигла двери и подняла руку к дверному кольцу. Она обхватила холодное металлическое кольцо, собрав всю свою решимость, и постучала в дубовую дверь, которая почти сразу за этим открылась, чуть слышно скрипнув хорошо смазанными петлями.

— В чем дело? — спросил ее дородный привратник.

Нерисса заметила его приподнятую бровь и сочла это проявлением неуважения, но сдержалась и промолчала. В конце концов, ей предстояло просить о своем доме, и она подозревала, что мера ее отчаяния была очевидна даже для слуг. Когда Нерисса узнала, что Эштон занял деньги, заложив их дом, она ощутила, как мир перевернулся вверх дном. Раньше она вообще не знала, что такое долги. Нериссе было незнакомо пугающее чувство неуверенности в завтрашнем дне, у нее не было счетов, которые было не на что оплатить, и невыполнимых долговых обязательств. Но дом... это нечто совершенно иное. Потерять дом — значит лишиться последнего пристанища и последней надежды вновь занять подобающее место в обществе Вестмарша. Лишь этот дом позволил бы ей выбраться из долговой ямы, в которой она очутилась из-за Эштона. Кроме того, это был последний шанс найти достойного жениха для Элизабет..

Вернув себе обычное самообладание, она вежливо, но непреклонно ответила слуге: — Мне нужно поговорить с господином Дэстином.

Затем она вспомнила, что еще не представилась, и добавила:

— Я Нерисса Натоли.

Привратник раздумывал дольше, чем было бы прилично в таких случаях, по мнению Нериссы, а затем, к ее крайнему изумлению, быстро произнес: «Я узнаю, дома ли господин», и закрыл перед ней дверь.

Это было уже слишком. Она осталась стоять на пороге, словно какой-то уличный торговец или обычный посетитель, пришедший по незначительному

делу! Нерисса не знала, что и ответить на такое оскорбление. Она обязательно расскажет Дэстину о грубости его слуг.

Она подумала о том, что ждет ее вечером. Элизабет умоляла ее остаться и сыграть с ней в карты. Нерисса горько улыбнулась. Ее сестра могла бы думать о танцах и всяких развлечениях, даже находясь в горящем доме. Впрочем, происходящее с домом Натоли в каком-то смысле можно было уподобить пожару, и последствия им грозили не менее печальные. Элизабет ожидало самое незавидное будущее: она была молода и прекрасна, но у нее не оставалось ни малейшего шанса выйти замуж, пока благосостояние семьи не будет восстановлено. Нерисса старалась не думать о борделях и игорных притонах, где родовая честь ее сестры обратилась бы в прах, но явственно ощущала, как в горле образовался комок. Она напомнила себе, что Эштон был хорошим человеком... в глубине души.

Дверь вновь распахнулась, и Нерисса приготовилась было войти внутрь, но привратник произнес: «Господин не принимает посетителей». В его тоне не было даже слабой тени уважения.

Нерисса замешкалась, занеся ногу над порогом. Неужели она не ослышалась? Этот выскочка-торговец и правда отказывается ее принять? Кровь прилила к ее щекам, но она знала, что должна держать себя в руках. Если устроить сцену, это лишь усугубит унижение. Ее мать частенько говорила, что благородную женщину можно всегда отличить по манере поведения, и Нерисса не собиралась представлять перед этим невежей-служгой или его беспардонным хозяином в невыгодном свете. Она не даст им удовольствия видеть, что ее вывели из

равновесия, и будет вести себя чинно и благовоспитанно. Она собралась с мыслями и лишь ответила: «Очень хорошо», а затем грациозно развернулась, чтобы уйти.

Покрытые брусчаткой мостовые были мокры от дождя. Нерисса шла домой, и дождь теперь лил как из ведра. Отблески пламени фонарей и свечей отражались в лужах, и она изо всех сил старалась в них не ступать. Ее гнев постепенно утихал, и на смену ему пришли страх и отчаяние. Она была настолько поражена отказом Дэстина поговорить с ней, что упустила из виду последствия. Ей не дали даже шанса попросить об отсрочке возврата долга, не позволили умолять о доме, принадлежавшем ей и Элизабет. Положение было отчаянным, когда она шла к домовладельцу, но теперь все стало намного хуже.

Погруженная в свои мысли, она вдруг услышала тихое ржание. Нерисса подняла голову, и холодный дождь омыл ее лицо. Она поняла, что не узнает улицу, на которой оказалась. Узкая, темная улочка петляла и изгибалась, будто тропинка в дождливом лесу, где таились неведомые существа, внезапно появляющиеся из тьмы. Нерисса хорошо знала широкие улицы и бульвары Вестмарша, но эта пустынная и зловещая дорога была ей незнакома.

Она повернулась, пытаясь обнаружить источник звука, и вновь услышала ржание, на сей раз вместе со скрипом и стуком колес экипажа. Проклиная туман, Нерисса огляделась. Неизвестно, что пугало ее больше: пустынная темная улочка

или невидимый экипаж. Внезапно перед ней встал на дыбы угольно-черный конь, которого круто осадил возница, дернув за поводья. Ноги Нериссы едва не подкосились от страха, но внезапно животное успокоилось, а возница невозмутимо смотрел на нее, будто ничего не произошло.

Ей был незнаком вид ливреи слуги, но покрой был старомодным: такая одежда вышла из моды лет двадцать назад, не меньше. Она вновь склонила голову и еще явственнее ощутила всю постыдность своего положения перед лицом знатного и уважаемого человека, но тут ее окликнули по имени, и она резко подняла голову.

— Нерисса?

Голос был мягким, нежным и явно принадлежал почтенной даме в годах, но Нерисса его не узнавала. Она подошла к окну экипажа, из которого показалась тонкая старческая рука, обезображенная артритом. Нерисса напрягла зрение, стараясь разглядеть лицо в полумраке экипажа.

— Да?

— Не стойте там, моя дорогая. Хватит мерзнуть под дождем, вы наверняка промокли до нитки. Натаниэль, открой дверь.

Возница ловко спустился с козел и без единого звука почтительно распахнул дверь экипажа. Нерисса милостивым кивком поблагодарила его и забралась в экипаж. Она была слишком озадачена, чтобы долее испытывать стыд, и ее переполняла благодарность за то, что ей позволили укрыться от дождя.

Устроившись на деревянной скамье, она поморгала, чтобы глаза привыкли к темноте, и затем разглядела полноватое лицо, испещренное морщинами и обрамленное седыми кудрями, и тело, усохшее от старости до размеров ребенка. Нерисса судорожно старалась припомнить ее имя, но не могла. Ни единой догадки! А ведь ее собеседница определенно знала Нериссу и отнеслась к ней по-доброму — в отличие от прочих господ из Вестмарша, все более сторонившихся ее.

— Прошу простить меня, — наконец, запинаясь, произнесла Нерисса, в то время как женщина благосклонно смотрела на нее. — Прискорбно, но я никак не могу припомнить, где мы встречались.

Ее собеседница улыбнулась и потрепала Нериссу по замерзшей руке. На ощупь кожа старой дамы была похожа на сухой пергамент.

— Не беспокойтесь, моя дорогая. Мы не встречались раньше, так что не удивительно, что вы не помните меня.

Заметив изумление на лице Нериссы, она улыбнулась еще шире и продолжила:

— Я старинный друг вашего семейства и давно приглядываю за вами.

Неужели она подмигнула Нериссе? Та не была в этом уверена, но на миг затаила дыхание: ей представилось, что эта женщина — дальняя, всеми позабытая родственница, готовая оставить наследство Нериссе и Элизабет. Сначала мысль вызвала отвращение, но их ожидало ужасное будущее, и любой человек, способный протянуть руку помощи и спасти семью от невзгод, требовал всего ее внимания и предельной деликатности в обращении.

— Вы... приглядывали за мной? Значит, вам известно...

Нерисса умолкла, не договорив, и слегка взмахнула рукой, обозначив бедственное положение своей семьи лишь жестом; о подобных обстоятельствах не стоило упоминать в обществе. Старая дама едва заметно кивнула.

— Боюсь, что так, моя милая. Но, как ни странно...

Она прервалась, бросив взгляд на плотную пелену дождя за окном, затем продолжила, и в ее взгляде была заметна странная сосредоточенность.

— Возможно, я смогу помочь вам в этой... скажем так, ситуации.

Нерисса усилием воли сдерживала эмоции, сохраняя беспристрастное выражение лица, но сердце ее сжималось от радостного предчувствия. Она все еще терялась в догадках о том, кто же была ее внезапная благодетельница, но открывшаяся перед ней возможность спасения сулила верное и скорое избавление от невзгод. Нерисса тщательно обдумывала свои слова.

— Вы сможете мне помочь?

— *Возможно*, смогу, моя дорогая. И вот что мы сделаем... Играете ли вы в карты?

Нерисса сочла этот вопрос неуместным и была удивлена весьма нелогичным поворотом беседы, но утвердительно кивнула. Дело в том, что она считалась одним из лучших игроков в Вестмарше: острый глаз, цепкий ум, да и везло ей часто. Она никогда не поддавалась страсти к игре, как Эштон, но ей довелось опустошить немало кошельков своих оппонентов из высшего общества во время

«товарищеских» партий в «Судьбу» или в «Дикого гуся». Знала ли об этом старая дама? Неужели она предлагала сыграть с ней? Нерисса ощутила растерянность; Эштон поставил на кон собственность их семьи и проиграл, но вдруг у нее получится вернуть состояние тем же образом? Лишь при мысли об этом голова Нериссы закружилась, но она лишь легко улыбнулась и ответила:

— Да. Я играю в карты.

Экипаж остановился у ворот ее собственного дома; выйдя наружу, Нерисса с радостью отметила, что дождь прекратился. Тучи рассеялись, и наверху засияли тысячи звезд, освещавшие ночное небо над городом. Внезапно Нерисса обернулась, придерживав дверцу до того, как та закрылась.

— Мне ужасно неловко, но я все еще не знаю вашего имени.

— Ох, как глупо с моей стороны, я ведь так и не представилась. Меня зовут Карлотта.

— Замечательно, Карлотта. Я ожидаю вас с визитом завтра к ужину. Вы не желаете присоединиться к нам за столом, прежде чем мы сыграем партию?

— Определенно не желаю, дитя мое. Я предпочитаю ужинать в одиночестве.

И с этими словами дама закрыла дверь, задвинула деревянную панель, и экипаж умчался дальше по улице.

У Нериссы кружилась голова, пока она поднималась по ступенькам к входной двери. Быть может, у загадочной незнакомки имеются средства и она просто ищет

повод помочь Нериссе и Элизабет. Ну конечно, игра — просто деликатный предлогом, чтобы избежать неловкой ситуации: ведь если бы старая дама просто отдала Нериссе деньги, это бы выглядело как благотворительность. А может, арлотту больше интересуют игра с серьезными ставками, чем благополучие Нериссы. Что ж, пусть так. Ясное дело, ей доводилось слышать о всевозможных чудачествах, которые позволяли себе богачи Вестмарша в летах, а иногда и наблюдать их самой. Если Карлотта хочет сыграть, Нерисса с радостью согласится на партию.

На следующий вечер, когда сумерки опустились на город и дом был окутан полумраком, Нерисса беспокойно бродила по комнате. А вдруг Карлотта действительно не в своем уме и совершенно забыла об их уговоре? Может, это была просто жестокая шутка? А вдруг?..

Нерисса усилием воли выпрямилась и заставила себя успокоиться. Она оглядела комнату: здесь была собрана лучшая оставшаяся мебель, пара натертых до блеска масляных ламп ярко горели, освещая ящик с одной из последних бутылок кеджистанского вина и два кубка. И, само собой, на темном блестящем столе лежала колода карт.

Нерисса не случайно выбрала именно эти карты: на них был изображен герб семьи Натоли. Она хотела думать, что играет во имя славного будущего своего дома, и эти особые карты должны были подчеркнуть важность ставок.

О да, ставки. Нерисса вновь взглянула на обитую бархатом коробочку, которая лежала рядом с картами. В ней хранились те немногие драгоценности, которые она сумела отыскать. Обычный горожанин счел бы это целым

состоянием, но они не стоили ничего по сравнению с богатством ее семьи, которое она стремилась вернуть. Нерисса знала: она обязана выиграть, причем не один раз, чтобы поправить дела дома Натоли. Тем не менее, нельзя было сразу взять верх над старухой-благодетельницей, чтобы не спугнуть ее. Нужно действовать деликатно, неспешно и с величайшей осторожностью.

— Нерисса! Смотри!

Поток ее мыслей прервался, и Нерисса вздрогнула от неожиданности, когда в комнату впорхнула сияющая от счастья сестра. Элизабет была одета в наряд, покрытый чем-то вроде алых, бурых и оранжевых листьев сверху донизу. Нерисса внутренне содрогнулась при виде такой картины, но сумела легко улыбнуться, ответив на широкую улыбку сестры. Иногда ее возмущало очевидное невнимание Элизабет к постоянно ухудшающемуся положению, в котором они очутились, но Нериссу очаровывала ее красота и источаемая ею любовь к жизни. Она стала бы прекрасной женой для любого из достойных господ Вестмарша. Она даже могла бы выйти замуж и за некоторых господ менее благородного происхождения... если бы только у нее было достойное наследство. Увы, все наследство пошло на уплату долгов Эштона, и Элизабет ждала долгая одинокая жизнь или еще хуже — замужество за плебеем-выскочкой, купившим себе положение в обществе и в семье Натоли. Нерисса содрогнулась от одной мысли об этом и силой удержала улыбку на лице, в то время как Элизабет кружилась по комнате в каком-то подобии бального танца.

— Видишь, да? Видишь, кто я?

Нерисса удержалась от язвительных замечаний, сразу пришедших на ум, и

спокойно ответила:

— Даже не знаю... придворный шут?

Элизабет резко замерла, не закончив пируэт, и озадаченно воззрилась на сестру.

— Шут? Ты считаешь, что я глупа, сестра?

Она попыталась сохранить серьезный вид, но затем улыбнулась и захихикала, а затем хихиканье переросло в громкий веселый смех. Элизабет закружилась вокруг Нериссы, почти сбив ту с ног.

— Через две недели у Ланкастеров бал, и я наконец-то снова смогу пойти повеселиться!

Она схватила Нериссу за плечи, пытаясь показать меру своего восторга скучной сестре, лишенной богатого воображения; вся она была воплощением искренней радости, какую обычно ощущают дети.

— Ты говоришь, что я не могу посещать балы, потому что нам не на что купить новые платья. Но госпожа Ланкастер говорит, что на этот раз нам самим нужно сшить себе костюмы, и я пойду!

Она отпрянула и замерла в причудливой позе. Нерисса вновь обрела равновесие и окинула взглядом карты и вино, чтобы убедиться, что все по-прежнему на своих местах.

— Тема маскарада — время, — преувеличенно серьезно произнесла

Элизабет. — Ну что, теперь поняла, кто я?

Нерисса вновь сосредоточила внимание на сестре и оглядела ее. Присмотревшись, она заметила, что платье Элизабет покрыто обрывками пергамента и кусочками ткани, аккуратно прикрепленных к старому коричневому платью. Она хотела ответить что-то насмешливое, но сейчас было не время для загадок.

— Дерево?

Элизабет разочарованно вздохнула и встряхнула кудрями, повернувшись к Нериссе.

— Да нет же, глупышка. Я осень! Неужели по листьям невозможно догадаться?

На секунду в ее выразительных карих глазах промелькнула легкая тень неуверенности. В конце концов, девушка нарядилась в прошлогоднее платье, наспех украшенное пергаментной бумагой и кисеей, и легкая обеспокоенность была вполне понятна. Сердце Нериссы растаяло, и она обняла Элизабет.

— Разумеется, это очевидно. Ты настоящее воплощение осени. Твой наряд произведет фурор на балу!

— Да, так и будет!

Элизабет, изогнувшись, выскользнула из объятий Нериссы, а затем снова засмеялась.

— Спасибо, Нерисса. Теперь мне надо и дальше вырезать листья. Морис

поможет мне, но времени все равно уйдет немало.

И с этими словами она вылетела из комнаты, словно бесплотный дух веселья. Вздохнув, Нерисса вдруг ощутила, что волнение и напряжение покинули ее. Она взяла колоду карт и начала задумчиво перетасовывать ее. Дом был весьма важен, но забота об Элизабет занимала все ее помыслы и тяжким грузом лежала на сердце. Вернуть достаточно средств, чтобы устроить замужество сестры... Только это могло избавить ее от тревог и стыда, который она ежедневно испытывала, думая о ее возможном мрачном будущем. *«Элизабет должна удачно выйти замуж»*, — подумала она и в нетерпении стиснула зубы. Ей предстояло сделать все для этого, и сегодня вечером все должно было решиться.

— О нет, спасибо, дорогая моя. Увы, в последнее время я совсем не пью горячительного.

Карлотта взмахнула тонкой хрупкой рукой, когда Нерисса предложила ей кубок вина, и та вновь поставила его на стол, ощутив легкое разочарование. Иногда алкоголь позволял получить небольшое преимущество в карточной игре, но Нерисса на это и не рассчитывала. Она собралась с силами, была сосредоточенна, внимательна и даже ожидала партии с некоторым нетерпением.

— В моем возрасте, знаете ли... приходится отказываться от некоторых вещей.

Карлотта многозначительно усмехнулась, и Нерисса тоже изобразила вежливый смешок, хотя и понятия не имела, сколько на самом деле лет этой

странной женщине. Единственное, что можно было сказать наверняка, — она уже достигла глубокой старости, но умирать пока не собиралась.

— Итак, — произнесла Нерисса, улыбнувшись, — во что мы сыграем? «Проблеск света», «Участь» или, может быть, партию в «Дикого гуся»?

Сама Нерисса втайне рассчитывала, что старуха решит сыграть в «Дикого гуся», потому как ей особенно хорошо удавалось делать быстрые ставки и не менее быстро их перебивать, а для этой кеджистанской игры такие навыки как раз очень полезны.

— Нет, нет. «Дикий гусь» — слишком быстрая игра для меня. Предпочитаю что-нибудь попроще. Очень простое.

Карлотта кивнула головой, соглашаясь с собственными словами, а Нерисса ждала, пока старая дама произнесет название игры. Она вновь ощутила, как нарастает напряжение, и чуть пригубила вино.

— Но сначала, — прошептала Карлотта, с силой обхватив рукоять трости из черного дерева, более чем необходимой столь хрупкой даме, — сначала обсудим ставки. Нужно решить, какими будут... — и тут голос ее стал резче, да настолько, что это звучало даже как-то неестественно — ...ставки.

Нерисса допила вино и неловко поставила кубок на стол. Она взяла коробку, обитую бархатом, и, открыв, гордо продемонстрировала ее собеседнице. Содержимое коробки ярко блеснуло.

— У меня есть украшения, — произнесла она со всем возможным достоинством. — Некоторые из них были достоянием нескольких поколений нашей семьи. К примеру, это (она достала гребень, украшенный золотой вязью и крупным сапфиром) — свадебный подарок моей бабушки. А это (она осторожно вынула стилет, в рукоять которого были вставлены три рубина) всегда носил при себе брат моего деда, пока находился при дворе. Довольно безвредная вещица, а не серьезное оружие, но брат деда все же считал себя настоящим воином.

С этими словами она рассмеялась, но ее смех был встречен непроницаемым взором Карлотты. Нерисса убрала кинжал в шкатулку и замолчала, ожидая, что ответит старая женщина.

— Нет, — выдохнула старуха, по-прежнему пристально глядя на Нериссу. — Думаю, нам стоит... повесить ставки.

Она отмела все неразборчивые возражения Нериссы одним легким взмахом руки.

— Полагаю, ставки должны быть высоки как никогда. Чего бы вы, моя дорогая, хотели больше всего на свете?

Нерисса замешкалась, не зная, что и думать: то ли старуха была не в себе, то ли шутила, то ли дело было в чем-то еще. Неужели это был лишь способ предложить оплатить все долги ее семейства? Голова Нериссы закружилась при мысли об этом.

— Прежде чем вы ответите, стоит подумать хорошенько. Обретение желаемого иногда приводит к неожиданным и не слишком приятным последствиям.

Карлотта улыбнулась, и Нерисса внезапно осознала, что та испытывает ее. Ну конечно! Пожилая дама не просто предлагала свою помощь, желая оплатить их долг; она решила испытать свою собеседницу. Нерисса тщательно обдумала ответ: пусть он прозвучит как просьба примерной жены, а не как бездушное требование денег.

— Хочу, чтобы с нами снова был мой дорогой муж, Эштон. Пусть он бросит старые привычки, будет в ясном уме и вернется со всем своим состоянием.

Она изо всех сил постаралась, чтобы последняя часть просьбы звучала как мысль, посетившая ее уже после того, как было высказано самое отчаянное желание.

— Прекрасно, милочка. А что же взамен? Что самое ценное из всего, чем вы обладаете? Что всегда было частью вас и что только вы сможете мне дать?

Нерисса хорошо умела разгадывать шарады, и потому быстро выпалила:

— Мое сердце.

Ответ был очевиден. Но мысль о том, что тщедушная старуха хочет заполучить ее сердце, чуть было не вызвала приступ смеха.

Внезапно она заметила в глазах Карлотты странный блеск, и нерешительность снова охватила ее. Какой ответ был бы самым удачным? И тут

ее осенило, и она одарила Карлотту снисходительной улыбкой, с какой взрослый мог бы обратиться к ребенку, захотевшему сладостей перед обедом.

— Разумеется, вы вольны выбрать что пожелаете. Я готова отдать взамен что угодно из принадлежащего мне.

— Договорились, — тут же ответила Карлотта, как только Нерисса закончила фразу. Ее озадачило, как резко прозвучало это слово, а в глазах старухи на мгновение появился жесткий металлический блеск. Или это ей только почудилось? Нерисса прекратила вглядываться и налила себе еще вина. Эта женщина играет с ней в непонятные игры... А возможно, все дело в волнении, пережитых тяготах и открывшейся возможности расквитаться с долгами семьи: вот причины, почему ее нервы так расстроены. Она пристально взглянула на Карлотту, но заметила лишь дряблые щеки и глубокие морщины на округлом лице, выдающие привычку часто улыбаться и смеяться. Нерисса мысленно укорила себя за то, что дурно подумала о своей гостье. Возможно, рассудок ее и слегка помутился, но она может помочь Нериссе, и ее старческое чудачество вполне безвредно. Если Карлотта желает назвать условные ставки, прежде чем одарить Нериссу и Элизабет, пусть так и будет. Нерисса готова была спеть ей колыбельную или поиграть с ней в ладушки, если старая чудачка того пожелает. Что угодно, если это сулит золото и серебро.

— Очень хорошо.

С этими словами Карлотта взяла колоду карт и умело выровняла ее одной рукой.

— Игра очень проста. Я тяну карту, а затем карту тянете вы. Так будет продолжаться, пока у каждой из нас не окажется по три карты. Затем мы будем поочередно открывать друг другу по одной карте.

Она кивнула Нериссе, словно спрашивая, все ли та поняла.

— Побеждает тот, у кого окажется самая старшая карта.

Да что за глупости! Нерисса больше не сомневалась, что старуха сошла с ума. Игра была не испытанием мастерства, выигрыш зависел лишь от везения. Неужели она действительно должна поставить на карту все оставшиеся средства своей семьи? Судя по выражению лица Карлотты и по ее поведению, старая женщина предвкушала напряженную игру, но ведь от нее требовалось всего лишь сделать ставку и довериться случаю. Как бы там ни было, старухе было решать, попрiderжать деньги или поделиться ими, и поэтому Нерисса собиралась сделать все возможное, чтобы ублажить ее.

— Вытянувший самую старшую карту выигрывает, все ясно, — сказала Нерисса и жестом предложила Карлотте тянуть.

Старуха едва кивнула, отчего ее белоснежные кудри слегка вздрогнули, и наклонилась вперед, чтобы взять первую карту. Следом тянула Нерисса, так что вскоре перед ними на столе рубашками вверх лежало по три карты, и Карлотта молча перевернула первую.

— Вот проклятье... — пробормотала она, а затем по-детски захихикала. Ей досталась тройка корон, с которой вряд ли можно рассчитывать на выигрыш. Она нетерпеливо наблюдала за Нериссой, сложив руки на коленях. Нериссу немного

беспокоил энтузиазм старухи, и, надеясь поскорее покончить с игрой и перейти к делу, она открыла свою первую карту. Ей выпало двенадцать змей — весьма неплохо.

Карлотта резко открыла следующую карту — семерку змей — и снова вперила в Нериссу взгляд своих горящих, полных нетерпения глаз. Нерисса замялась: ей не нужно было продумывать ходы, не нужно было разрабатывать стратегию, и в то же время ей не нравилось просто переворачивать карты, пока не станет ясно, кто победил. Она некоторое время выбирала следующую карту, и затем перевернула восьмерку львов.

Она немного расслабилась. Какая глупость! Сумасбродная старуха затеяла эту дурацкую игру с глупыми ставками, но на кону было ее будущее. Нерисса размышляла над тем, с какими словами ей нужно обратиться к старухе после игры. Ей всегда хорошо удавалось определять настроение соперника по выражению лица и поведению, и она внимательно следила за жестами Карлотты, когда та потянулась к последней карте.

Нерисса невольно ахнула, когда увидела на столе императрицу корон. Побить такую карту будет очень нелегко. Карлотта оторвала взгляд от стола и уставилась на Нериссу; глаза ее хищно блестели. Нерисса отпрянула, но затем взяла себя в руки. Ну разве не безумие? Перед ней сидела очаровательная старушка, готовая осыпать богатствами ее семью, а Нериссе вдруг вздумалось так серьезно относиться к этой игре, в которой даже ставки были ненастоящие. Она рассмеялась и с улыбкой взглянула на свою благодетельницу.

— Да, теперь вы явно вырвались вперед, моя дорогая. Посмотрим, что

достанется мне...

Нерисса увидела императрицу звезд, и ее буквально затопила волна облегчения. Карлотта щелкнула языком и тут же, собравшись, встала. Нерисса даже не успела предложить ей сыграть вторую партию, как пожилая дама уже попрощалась и вышла из комнаты. Нерисса бросилась за ней вдогонку, опасаясь, что каким-то образом раздосадовала старую леди и упустила свой шанс.

— Хорошо поиграли, милочка. А теперь мне пора, — сказала Карлотта, не оборачиваясь.

Нерисса изо всех сил старалась, чтобы ее ответ не прозвучал жалобной мольбой.

— Может, еще партию? Вы же почти выиграли. Желаете немного белого кеджистанского? Или, может... — как Нерисса ни старалась, ей не удалось избежать умоляющих ноток в голосе.

— Я ведь уже сказала, милочка, что горячительные напитки мне не нравятся. Если захотите, я загляну еще завтра вечером.

— О, да, разумеется. Я буду очень рада...

— Я же сказала, что выбирать вам, дорогуша. Так что подумайте о своем решении хорошенько до завтрашнего вечера, — и с этими словами она вышла за дверь.

Нерисса помотала головой. Обхаживать эту старушку, чтобы та поделилась деньгами, придется значительно дольше и тщательнее, чем казалось поначалу.

Старая дама, казалось, не таила от нее ничего, но, как полагала Нерисса, ей предстояло узнать о Карлотте еще очень многое.

Наблюдая с крыльца за тем, как трогается экипаж, Нерисса внезапно ощутила, как сильно похолодало на улице. Воздух был влажен и прохладен, холод будто пронизывал насквозь, хотя всего часом ранее погода стояла неплохая. И снова все скрыл этот туман — он поднимался с самой земли, подобно живому существу, и надвигался на город, словно тая некие ужасные намерения.

Нерисса с готовностью развернулась, стремясь обратно в теплый и светлый дом, где ее, помимо прочего, ждал бокал вина. Но вдруг ход ее мыслей нарушил скрежет колес нагруженной повозки, так непохожий на отдаляющееся поскрипывание экипажа Карлотты. Нерисса прищурилась, стараясь разглядеть хоть что-нибудь в густом клубящемся тумане.

Она раздраженно вздернула голову, когда из объятий тумана неспешно выехала большая повозка, затем свернувшая во двор. Возница на козлах согнулся в три погибели и походил на пещерного жителя. И кому это вздумалось в такой час везти какие-то товары? Да еще к парадному входу подъезжают! Раз для ее семьи настали не лучшие времена, эти мужланы решили совсем позабыть о пристойном поведении?

— Госпожа Натоли, если не ошибаюсь? — грузный простолюдин слез с повозки и вытянул из-за пояса сложенный лист бумаги.

— Да, я госпожа Натоли. Что вы решили доставить мне в столь поздний час?

— Боюсь... вашего мужа, госпожа.

Нерисса почувствовала, как у нее земля уходит из-под ног, стоило ей увидеть деревянный гроб, лежащий на повозке. Морис шагнул к ней, чтобы поддержать. Нерисса внезапно ощутила, что ей трудно вздохнуть.

— Эштон... мертв?

Человек посмотрел на нее, и на его суровом лице читались жалость и беспокойство.

— О Небеса, неужели вам не сказали? Мне очень жаль, госпожа. Сожалею, что так все вышло... Не дело так все устраивать, вот что.

Он передал записку Нериссе, и та сжала ее в одеревеневших пальцах. Она пыталась сказать хоть что-нибудь — что угодно! — чтобы выпустить наружу сдавившее ее грудь отчаяние.

— А что с его вещами? Где они?

Мужчина пошаркал ботинками о ступени и покачал головой.

— Ну, все, что имел, — при нем. Как говорится, всего добра — с трудом на саван наберется.

Нерисса ощутила, как кровь отхлынула от ее лица.

— Так мне внести его через заднюю дверь, что ли? — спросил простолюдин и повернулся, чтобы влезть обратно на козлы.

Нерисса молча кивнула ему, и тот покатился на повозке со двора к задней стороне поместья. Нерисса обнаружила, что все еще сжимает в руках записку. Он

развернула ее и попыталась прочесть, хотя из ее глаз не переставая лились слезы.

Ей было трудно разобрать эти каракули, но Нерисса и так поняла, что в руки ей попал еще один счет, на этот раз — за доставку покойника.

Впервые в жизни Элизабет горевала по-настоящему. Быть может, новость о смерти мужа сестры заставили ее наконец осознать весь масштаб обрушившегося на них несчастья. Эштон всегда любил ее, видел в ней родственную душу, способную по-детски радоваться жизни. Теперь же она захлебывалась в неистовых рыданиях, и поэтому Нериссе пришлось на время позабыть о своей горе и попытаться успокоить сестру. Она смахнула выступившие слезы, стараясь придумать, как привести Элизабет в чувство.

— Ты не забыла о маскараде у Ланкастеров? А ведь у тебя еще не готов костюм! Попроси Мориса помочь тебе собрать побольше листьев.

Элизабет кивнула и отправилась к слуге, оставив сестру наедине с ее мыслями. Нерисса слишком хорошо разбиралась в демонологии и колдовстве, чтобы списать произошедшее на простой случай, но и объяснить все рационально у нее тоже никак не выходило. Она даже решила, что все это большая глупость и что у нее просто разыгралось воображение, но, с другой стороны, слухов о странных происшествиях в Вестмарше в последнее время становилось все больше. На мгновение ею овладела паника. Во всем виновата эта ведьма; старуха убила ее мужа, а теперь настанет очередь бедняжки Элизабет. Как знать, какая кошмарная участь ей уготована?..

Нерисса неистово замотала головой. Самое важное — старуха вернется

сегодня вечером, и поэтому Нериссе нужно сохранять трезвость рассудка, чтобы не упустить свой шанс и завладеть деньгами.

— Госпожа? Госпожа, к вам гостя... — Морис явно был не готов к тому, что Карлотта сразу войдет в дом, едва он только отворит дверь. Теперь слуга плелся за старухой по пятам, как сбитый с толку щенок. Морис размахивал руками и звал Нериссу так громко, как только мог себе позволить.

Нерисса поднялась с кушетки, на которой она дожидалась Карлотты, и подошла к балюстраде, откуда было хорошо видно вход и парадную лестницу. Морис все следовал за Карлоттой, которая поднималась по ступеням гораздо быстрее, чем того можно было ожидать от женщины ее сложения. Кончик ее трости, изготовленной из черного дерева, с резким стуком ударял по каждой пройденной мраморной ступеньке.

— Проведи ее наверх, Морис, — успокаивающе сказала Нерисса слуге, хоть и понимала, что Карлотте ни к чему показывать дорогу к ее покоям. Старому слуге пришлось изрядно прибавить шагу, чтобы не отстать от нее на пути в комнату. Именно на таких внешних атрибутах приличий и зиждилось высшее общество.

Уделив приветствиям короткое время, Карлотта сжала набалдашник своей трости обеими руками и наклонилась в своем кресле в сторону собеседницы.

— Итак, дитя мое, обсудим ставки...

Последнее слово повисло в воздухе, подобно непристойному предложению.

Нерисса взяла себя в руки. Она очень долго размышляла над тем, что поставить на кон сегодня. Она выпрямила спину, плавно положила руки на колени и заговорила медленно, четко выражая мысли, как прилежная школьница, отвечающая урок.

— Я вновь обязуюсь отдать что угодно из того, что мне принадлежит.

— То, что можно счесть частью вас и что только вы сможете мне дать?

Нерисса просто кивнула в знак согласия.

— А я желаю, чтобы моя сестра, Элизабет, получила приданое. Достаточное, чтобы выйти замуж за любого человека благородного происхождения в Вестмарше.

— По рукам.

Нериссу ошарашила резкость в голосе Карлотты, а глаза старухи заблестели... Можно ли было назвать ее взгляд голодным? Вряд ли, но было заметно, что бывшее благодушие старухи сменилось чем-то вроде угрюмой решительности. Это выражение лица совсем не подходило ей, и Нериссу сильно беспокоила столь внезапная перемена в облике Карлотты.

Карлотта молча протянула руку и легким движением сняла карты. Она взглянула на Нериссу. В глазах старухи, глубоко посаженных на морщинистом старом лице, горел почти безумный огонек. Этот взгляд наполнил сердце Нериссы тревогой, поэтому она отвернулась и с усилием прикусила язык, чтобы отогнать неприятное чувство. Карлотта взяла из колоды верхнюю карту.

Нерисса тоже вытянула карту и положила ее на стол перед собой. Затем они

тянули карты по очереди до тех пор, пока у каждой не набралось по три штуки. В комнате воцарилось тяжелое молчание. Наконец Карлотта потянулась вперед и перевернула одиннадцать львов, выжидающе посмотрев на Нериссу. Хозяйке дома на мгновение захотелось смахнуть все карты на пол, но она поборолла это наваждение. Она молилась, чтобы ее рука не задрожала под взглядом старухи, и перевернула одну из карт. Это оказался архангел корон.

— Ну надо же, как вам повезло, — с улыбкой вымолвила Карлотта и щелкнула языком, делая вид, что раздосадована.

Тем не менее, Нерисса была уверена, что ей удалось расслышать подлинные нотки недовольства в голосе старухи. Победа Нериссы была практически гарантирована, и поэтому она немного расслабилась. Осталось только решить, как она будет договариваться с Карлоттой о размере приданого после игры.

Карлотта перевернула еще одну карту, оказавшуюся девяткой корон, а сразу после нее Нерисса открыла тройку змей. До сего момента Нериссе не приходилось видеть, как старуха колеблется, но та все держала руку над последней картой.

— Может, стоит объявить ничью? — вкрадчиво предложила Карлотта, вопросительно приподняв бровь. — В конце концов, ставки так высоки, что было бы просто нечестно не дать вам возможности выйти из игры.

Теперь Нерисса полностью убедилась в слабоумии старухи. Вытянув вторую по старшинству карту в колоде, она практически не могла проиграть. И с чего бы ей соглашаться на ничью? И кто, вообще, выходит из игры, не перевернув последнюю карту? Внезапно Нериссу объял ужас — вдруг старуха решила пойти

на попятную и откажется исполнять уговор? Вдруг она, как и Нерисса, была по уши в долгах? Может, из нее вовсе не удастся вытянуть ни единой монеты, так как денег у безумной старухи нет, и ей просто захотелось поиграть. А вдруг..

А вдруг нет? Нерисса намеревалась участвовать в этом фарсе до конца, пока оставалась хотя бы призрачная надежда выдать Элизабет замуж. Она улыбнулась в ответ Карлотте не менее вежливо и доброжелательно и отмахнулась от беспокойных мыслей.

— Предлагаете лишить вас шанса на выигрыш? Ни за что. Вы ведь можете получить архангела звезд.

Карлотта взглянула на карту с таким выражением, будто там и впрямь лежал архангел звезд. Она перевернула карту и опустила ее на стол с такой силой, что Нерисса невольно вздрогнула.

Двойка львов.

Женщины засмеялись; это был вежливый смех, который позволял отвлечь внимание от неловких ситуаций и сохранял нерушимым хрупкий мостик приличий. Но Нерисса чувствовала, как напряжение покидает ее тело, подобно мерзкой испарине. Карлотта крепко сжала набалдашник трости левой рукой. Она все еще держала свои иссушенные пальцы над картой, будто надеясь перевернуть ее еще раз и добиться другого исхода.

— О, дорогая Карлотта, вы меня даже чуть-чуть напугали... — начала Нерисса, но старуха резко вскочила и ринулась из комнаты, даже не обернувшись.

Нерисса последовала за ней, хотя и не знала, как заговорить о получении приданого. Наконец она решила, что если Карлотта не собиралась выполнить уговор, то терять нечего. С другой стороны, если Карлотта все же решит сдержать слово, то надо обсудить выигрыш прямо сейчас.

— Что ж, Карлотта, нам стоит обсудить...

— Нет.

Отказ ядовитым туманом повис в воздухе. Карлотта пошла к выходу. Нерисса ахнула. У самой двери Карлотта обернулась.

— Нет, — сказала она, — мы не будем ничего обсуждать. Вы, госпожа Натоли... вам стоит подумать о ставках. Если хотите, чтобы я вернулась завтра, я вернусь. Но обсуждать мы ничего не будем.

С этими словами она вышла.

Нерисса с тяжелым сердцем смотрела вслед удаляющемуся экипажу, пока тот не исчез в ночи. Неужели все это было напрасно? Неужели она видела Карлотту в последний раз? Удача отвернулась от нее, и это все было лишь жестокой насмешкой судьбы? Нерисса сжала кулаки. Приданое для Элизабет.. она желала лишь этого. Даже если у нее не останется ничего, она все равно сохранит достоинство, зная, что ей удалось обеспечить сестре красивую, счастливую жизнь. В конце концов, Элизабет мало чем могла похвастаться, помимо своей красоты, и была совсем не готова жить в бедности.

Нерисса всматривалась в темноту, почти ожидая, что приданое само вот-вот появится перед ней, подобно чудесному дару из ниоткуда. Она покачала головой и отчитала себя за столь инфантильные грезы. Карлотта уехала, Эштон погиб, игра окончена. Элизабет придется выйти замуж за грубого простолюдина, и то если повезет. Нерисса поразмыслила об оставшихся у нее возможностях и решила, что не помешает написать новые письма кредиторам и попытаться вымолить отсрочку. Как бы там ни было, больше ничего уже не оставалось. Она в последний раз взглянула в ночную мглу, а затем вернулась в дом и закрыла за собой дверь.

— Морис! — позвала она, и старый слуга показался из-за угла.

— Да, госпожа?

— Принеси в мой кабинет лампу, мне нужно написать несколько писем.

Она поняла, как резко прозвучал ее голос, и сразу же пожалела об этом. Морис был полностью предан ее семье, и ей не стоило вымещать свою злость на нем.

— Спасибо, Морис, — добавила она, и слуга, вежливо склонив голову в ответ на столь нечастое открытое проявление благодарности, медленно пошел по коридору.

Нерисса ненадолго задержалась у двери — ей вовсе не хотелось вновь писать кредиторам и умолять их об отсрочке, так что она решила не торопиться. Все равно она не сможет писать, пока Морис не принесет лампу. Женщина

чувствовала себя в западне, загнанной в угол, подобно дичи, которую преследует стая гончих. Она гадала, можно ли каким-то чудом предотвратить неизбежное, если просто оставаться без движения и ничего не предпринимать.

Внезапно раздался такой тихий стук в дверь, что Нерисса решила, будто ей почудилось. Но постучали снова, громче, настойчивей. У Нериссы дрогнуло сердце, но она смогла взять себя в руки. Нет никаких оснований считать, что это как-то связано с ее ребяческими мечтами о волшебном приданом, равно как не было причин верить, что все обернется лучше, чем в случае с Эштоном. Она приблизилась к двери, в которую снова постучали, и, решив оставить формальности, открыла ее сама.

Мальчик по ту сторону двери выглядел очень безобидным, хоть и поднял такой шум. Он снял шляпу и поклонился Нериссе, а затем достал из сумки запечатанное письмо.

— Прошу, госпожа, вам письмо.

Нерисса взяла протянутое послание и заметила на нем изящную восковую печать, скрепляющую черную ленту, которой было перетянута письмо. Она хотела дать мальчику монету, но тот вежливо отказался.

— Прошу извинить, госпожа, но мне деньги брать не велено, мне ведь уже заплатили.

Нерисса улыбку честному мальчику и снова протянула ему монету. Тот поднял руки, как будто пытаясь защититься, и, увидев это, Нерисса перестала улыбаться.

— Извините, госпожа, но мне строго наказали больше не брать, — мальчик явно был напуган.

Он отступил назад, не спуская глаз с монеты, как если бы Нерисса собиралась всучить ему деньги насильно. И кому пришло в голову так запугивать посыльного? Странное дело... Нерисса хотела рассмеяться и оставить тревожные мысли, но поняла, что не может издать ни единого звука.

Закрыв дверь, она внимательно изучила печать. Это был фамильный герб, но раньше она его не видела. Может, он принадлежал благородному дому не из Вестмарша? И кому понадобилось ей писать?..

Внезапно она осознала, что понятия не имеет, где был Эштон все это время и у кого занимал деньги. От страха у нее свело живот. Она может оказаться в долгу у еще большего числа людей, причем весьма влиятельных, которые могли послать письмо в такую даль, желая вернуть то, что им причитается...

И снова браня свое разыгравшееся воображение, Нерисса сломала печать и сняла ленту. Она развернула письмо и начала читать его сначала со страхом, потом с любопытством, а к тому моменту, как дошла до последней строки, она впервые за долгие месяцы испытала облегчение.

Случилось невозможное! Это были вести о приданом, приданом для Элизабет. Нерисса мысленно поблагодарила Карлотту и того ангела Небес, который свел их вместе, а затем позвала свою сестру.

— Элизабет, ступай сюда быстрее!

Голос ее прозвучал неприлично громко, совершенно оглушительно в тишине дома, и, казалось, принадлежал вовсе не ей. Она вновь прочла письмо, и от сомнений не осталось и следа. Это было то самое обещанное чудо. Нерисса поставила на кон все и выиграла именно то, чего ей действительно хотелось.

— Нерисса, сестрица, что стряслось? — Элизабет сбежала по лестнице, одетая в свой нелепый осенний наряд, за которым волочился шлейф листьев.

Нерисса заметила, что некоторые листья тряслись так сильно, что опадали с бегущей девушки. Она засмеялась, подумав, что Элизабет может потерять свою листву, подобно дереву осенью. Нерисса осеклась — эти мысли почему-то встревожили ее — и улыбнулась своей сестре со всей добротой.

— Элизабет, у нас очень хорошие новости. Как выяснилось, виконт, — тут она вновь взглянула на письмо, чтобы не ошибиться с именем, — Дельфиний, наш дальний родственник, скоропостижно скончался, — она постаралась соорудить печальную мину, но это не имело особого смысла. — Перед смертью он оставил денег самым молодым своим родственникам, еще не состоящим в браке.

Она сделала паузу, чтобы Элизабет смогла беспрепятственно выразить радость, но та лишь продолжала смотреть на сестру, ожидая объяснений.

— Это приданое, Элизабет. Теперь у тебя есть приданое, и немалое.

Элизабет буквально запищала от радости и захлопала в ладоши, как восторженное дитя. Она даже немного подпрыгивала. Впервые Нерисса сочла, что не стоит сдерживать сестру. Долгие месяцы жесточайшей экономии и унижения принесли свои плоды. Элизабет выйдет замуж, и вся знать Вестмарша поймет, что

Нерисса Натоли смогла восстановить подходящее положение своей семьи.

— Приданое! Я смогу выйти за человека нашего круга! — Элизабет вальсировала по комнате, неистово шелестя листьями.

Нерисса удержалась и не стала отчитывать девушку. В конце концов, это был их триумф, так что пусть сестра тешится, как ей угодно.

— Морис! — воскликнула, почти взвизгнула Элизабет, да так громко, что ее сестра невольно сморщилась.

Но не успела Нерисса открыть рот, как девушка уже взяла ее за руки и что-то затараторила, сияя от радости.

— Стоит ли мне выйти за военного? Говорят, капитан Донн хочет жениться, а он мужчина очень ничего. А может, надо выбрать придворного? Раймонд Хэстон в прошлом бальном сезоне полночи танцевал со мной у госпожи Уиттингтон, и, кажется, он ко мне равнодушен. А Селеста говорила, что на маскарад госпожи Ланкастер приедут гости из Энтштайга, с той стороны пролива. Среди них обязательно найдется подходящий...

Нерисса лишь легонько кивала в ответ на слова девушки. У них еще будет время, чтобы выбрать подходящего жениха. Нерисса улыбнулась Морису из-за плеча Элизабет. Слуга со всей возможной в его возрасте расторопностью ковылял к ним с обеспокоенным выражением, держа в руке лампу.

— Ой, я сейчас расскажу все Морису! Я просто обязана... Морис! — Элизабет отскочила от Нериссы так быстро, что едва не столкнулась со старым слугой,

который вытянул руку, чтобы подхватить девушку.

Нога Элизабет запуталась в рваных складках накидки, и девушка отчаянно схватилась за руку слуги. Тот потерял равновесие и уронил лампу на каменный пол, разлив большую лужу горящего масла.

Нерисса вскрикнула, но потом взяла себя в руки. Элизабет и Морис благоразумно отступили от пылающей лужи и уставились на старшую Натоли, как напуганные дети. Она пыталась соображать, но ее гипнотизировало беснующееся пламя.

— Неси метлу! Надо сбить пламя!— крикнула она Морису, и старик заковылял прочь. Нерисса убедилась, что поблизости от огня не было ничего горючего. Нерисса снова взглянула на дрожащую от страха и волнения Элизабет и заставила себя улыбнуться. — Все хорошо, Элизабет, все будет..

Она умолкла на полуслове, увидев струйку дыма, идущую от подола платья Элизабет. Один из бумажных листьев занялся и прямо на глазах у Нериссы превратился в крохотный яркий костер. Пламя поглотило лист и перекинулось на соседний, и не успела Нерисса выйти из оцепенения, как загорелось сразу пять-шесть листьев. Нерисса вскрикнула, теперь уже в полную силу, и побежала вокруг горячей лужи к сестре, а Элизабет взглянула вниз и увидела, что горит. Прежде чем Нериссе удалось приблизиться к сестре, девушка в ужасе закричала и метнулась прочь от горящего масла, но пламя лишь разгорелось сильнее, охватив половину платья. Нерисса побежала вслед за ней, но Элизабет охватила паника, и она неслась по коридору впереди сестры, оглашая весь дом жуткими воплями. Наконец Нериссе удалось догнать и удержать вырывающуюся из ее рук Элизабет.

Лицо Нериссы обдавали волны жара. Она била по огню руками, но пламя только разгоралось, и во все стороны летели искры. Элизабет закричала от боли, когда ее волосы охватил огонь, и попыталась вырваться из объятий сестры. Тут Нерисса взялась за складки платья и рванула на себя изо всех сил. Старые швы разошлись, Элизабет удалось высвободиться, и она рухнула на пол без сознания. Нерисса бросилась к ней и принялась тушить ее горящие волосы. Ее тошнило от запаха обожженной плоти.

Нерисса немедленно послала Мориса за лекарями, и, к ее огромной радости, те не просто откликнулись, но примчались стремглав. Они несколько часов боролись за жизнь Элизабет и смогли спасти ее, но от былой красоты не осталось и следа. Ее лицо было обезображено красными волдырями, которые, по словам лекарей, со временем превратятся в шрамы. Она лишилась почти всех волос, и всю ее голову, покрытую сожженной кожей, покрывали кошмарные мокнущие раны. Она лишилась одного глаза — ее бровь карикатурно нависала над пустой глазницей. То, что осталось от ее губ, напоминало теперь страшную ухмылку, полную муки и презрения.

Нерисса до рассвета просидела у постели сестры, когда под действием лекарственных мазей и настоек Элизабет наконец провалилась в беспокойный сон. Нерисса все думала о своей ошибке. Она определенно отнеслась к старухе слишком легкомысленно, но самым главным было то, что Карлотта уничтожила все, чего пыталась достичь Нерисса. Внезапно она поняла, что приданое в равной мере предназначалось как для Элизабет, так и для нее. Будь ее воля, она никогда

больше не встретила бы с этой ужасной женщиной. Она бы снова вернулась к жизни обнищавшей дворянки, попыталась бы привести свои дела в порядок, но она не могла вынести того ужасного несчастья, что постигло Элизабет. Карлотта использовала против нее ее же собственные желания, и Элизабет пострадала. Ее сестра будет страдать до конца своей жизни, если только Нерисса не сможет каким-то образом исправить содеянное.

Дважды она пыталась заполучить столь желанное богатство, и дважды ее близких постигали несчастья. Старой ведьме не удастся провести ее в третий раз. Ей завладела холодная и горькая решимость, и теперь она точно знала, что нужно сделать. Вечером Нерисса будет наготове, она поднимет ставки, и в этот день будет неважно, выигрывает ли она.

Морис выглянул из-за тяжелой шторы в спальне и окинул взглядом улицу. Старый слуга был похож на нахохлившегося ястреба. Он винил себя в том, что случилось с Элизабет; хотя Нерисса сделала все возможное, чтобы успокоить его, она не могла рассказать ему всю правду об этом несчастье. Поэтому он, подобно бравому солдату, занял наблюдательный пост и высматривал на улице экипаж, который они оба ждали. Если он и считал странным, что Нерисса сочла уместным принимать гостей и играть в карты после таких потрясений, вслух он об этом не говорил.

Нерисса удержалась от того, чтобы налить еще один бокал вина, и снова

принялась размышлять о предстоящем визите Карлотты. Ее осенило, что она вовсе *не обязана* была снова играть с этой старухой. Она может прогнать ее, когда та придет. Но в этом, разумеется, не было необходимости. Она знала, что Карлотта придет, только если Нериссе самой того хочется. А еще она понимала, что если она пожелает ее видеть, то Карлотта не сможет не прийти.

Она слушала далекий бой часов, разносившийся по всему городу. Интересно, из какой темной отвратительной норы вылезла эта старуха? Внезапно Нерисса осознала, что все пережитое после побед в игре покажется не таким уж страшным по сравнению с тем, что ждет ее в случае проигрыша. До нее доходили слухи о несчастных жертвах, еще бьющиеся, кровоточащие сердца которых были вырваны из груди, но она отогнала ужасные мысли. Карлотта скоро окажется здесь, и Нериссе необходимо держать себя в руках и быть готовой ко всему. Старуха представлялась ей кем-то вроде демона, который сразу являлся, стоило лишь назвать нужное имя. Нерисса одними губами произнесла три слога, воображая, что призывает проклятого злобного духа из зловонной преисподней.

— Госпожа, — прокричал Морис, — она здесь.

Улыбка на лице Нериссы сменилась выражением горькой решимости.

— Хорошо, Морис,пусти ее.

Нерисса откинулась на спинку стула и вновь посмотрела на карты. Уже дважды они даровали ей победу, но с каждой игрой она теряла все больше. Но сегодня все будет по-другому, подумала она, и налила себе вина. Сегодня вечером, если все пойдет по плану, станет неважно, что это была чуть ли не последняя

бутылка в доме. Размышляя, она немного подержала терпкий напиток во рту. Конечно, она ни в чем не могла быть уверена, имея дело с этой ведьмой, демоном... или кем еще могла быть старуха. Но она уже все твердо для себя решила. Отступить некуда, настало время довести игру до конца. Она распорядилась, чтобы Морис занял место у окна, — ее первый шаг в новом гамбите. Она не собиралась позволить, чтобы сегодня ее застали врасплох.

Однако в дверь не постучали, и вскоре Нерисса услышала резкий стук ужасной черной трости, эхом отдававшийся от мраморного пола. Морис не мог бы так быстро спуститься и открыть дверь. Собственно, она и не слышала, чтобы тяжелая дубовая дверь вообще открывалась... Но Карлотта уже проникла в ее дом и поднималась по лестнице, с каждым настойчивым ударом трости подходя все ближе и ближе.

Нерисса слышала, как стук на лестнице становится все громче, пока не раздался уже у дверей комнаты. Слышно было, как Морис плетется вслед за гостьей. Карлотта буквально ворвалась в комнату, и, хотя в этом уже не было нужды, Морис объявил: «Госпожа Карлотта».

Нерисса сознательно не стала вставать в знак приветствия, а только сильнее откинулась на спинку кресла. Она чувствовала, что Карлотте поскорее хотелось начать игру, как и ей самой. На сей раз Нерисса позволила старухе проявить инициативу самой.

Карлотта ничем не показала, что уязвлена, но Нерисса прекрасно разбиралась в людях и знала все тонкости этикета, так что для нее не были загадкой ее подлинные чувства. Старуха с кряхтением села, сжимая свою трость.

Наконец, Нерисса подняла глаза от карт и изобразила на лице скупую натянутую улыбку.

— Хотите вина?

Карлотта улыбнулась в ответ, слегка ослабившись.

— Благодарю, но нет.

Две женщины пристально смотрели друг на друга; Нерисса оценивающе оглядела Карлотту, которая больше не походила на розовощекую вдовствующую даму, которую она увидела в экипаже. У нее впали щеки, губы покрылись трещинками, зубы стали... острее. Глаза ее лихорадочно горели диким, голодным блеском, и Нерисса поняла, что за последние две ночи это существо ослабло. Ей пришлось изрядно потрудиться, и в доме Нериссы произошли ужасные события, но при этом старуха ничего не получила взамен. Нерисса пригубила вино, позволив комнате погрузиться в тишину. Мать учила ее, что ни в коем случае нельзя позволить сопернику узнать, сколь сильно ей чего-то хочется. Нужду она считала слабостью. А по тому, как сморщенные руки Карлотты непрерывно теребили трость, Нерисса поняла, что это существо остро нуждается в сегодняшней игре. Что ж, хорошо. Нерисса воспользуется этой слабостью как рычагом и сможет повлиять на ее действия.

Нерисса взяла обитую бархатом шкатулку и, открыв крышку, протянула Карлотте, чтобы та могла взглянуть на содержимое.

— Мы уже ставили на кон пустые слова и обещания, но в этой шкатулке вы найдете бриллианты и золото. Уверены, что не хотите поиграть, договорившись о

чуть более... весомых, материальных ставках?

В глазах Карлотты забрезжила паника, и она на мгновение сжала челюсти, прежде чем вновь льстиво улыбнуться.

— Нет, милочка, это мне не подходит. Если хотите, чтобы я исполнила ваше самое сокровенное желание, вы должны предложить мне самое дорогое, — сказала она, стремительно проведя языком по губам, подобно ящерице.

Нерисса представила, что ее гостя шипит, а ее язык раздвоен на конце. Затем госпожа Натоли кивнула в знак согласия.

Увидев это, Карлотта расплылась в злобной улыбке, которая на этот раз была вполне искренней.

— Итак, на что ставим сегодня? Чего вы сейчас больше всего желаете?

Нерисса легко улыбнулась в ответ, но сердце в ее груди оглушительно стучало. Она не сомневалась, что эта женщина обязательно возьмет свое, если Нерисса проиграет. Она тщательно выбирала слова, но при этом старалась говорить как можно более равнодушно.

— Мне просто хочется, чтобы к Элизабет вернулись счастье и красота.

Карлотта уже собиралась что-то ответить, но Нерисса остановила ее, подняв палец.

— Но сегодня я соглашусь играть только при одном условии: Элизабет должна вновь обрести красоту и счастье прямо сейчас, и она не лишится этого,

пока я не открою последнюю карту.

Карлотта растерянно уставилась на нее.

— Хотите сорвать банк, еще не выиграв? Какие глупости!

— Если в вашей власти дать, что я прошу, то вы сможете забрать свой дар, если я проиграю, — сказала Нерисса, мило улыбнувшись старухе. — Я ведь просто прошу, чтобы Элизабет ненадолго снова стала красивой и счастливой. Или вы против и готовы играть с меньшими ставками?

Она махнула рукой куда-то в сторону шкатулки, и Карлотта покачала головой в знак отрицания. На ее лице в равной мере читались злоба и беспокойство.

— Нет, конечно же, нет. Но вы просите слишком много. Нельзя получить выигрыш, не одержав победу.

Нериссе казалось, будто она балансирует на канате, пытаясь соблюсти внешние приличия. Она пыталась сделать так, чтобы голод Карлотты возобладал над ее волей. Нерисса улыбнулась заученной приятной улыбкой и заметила, с какой неуверенностью смотрели глаза Карлотты, как она нервно перебирает пальцами и сутулится. Она была воплощением нужды, хотя и пыталась это скрыть.

Нерисса долго пристально смотрела на Карлотту, затем пожала плечами, как будто принимая поражение, и снова показала на шкатулку. Она надменно склонила голову в сторону, призывая Карлотту принять драгоценности и

безделушки.

Старую даму переполняла злость; она неприятно оскалилась.

— Так тому и быть! — и, сказав это, старуха хлопнула в ладоши, заставив Нериссу невольно ахнуть.

На миг пламя в лампе затрепетало, и в полумраке комнаты глаза Карлотты сверкнули, словно раскаленные угли. Старуха хищно улыбнулась, торжествуя, и Нериссе с трудом удалось сохранить самообладание. Карлотта казалась еще более старой и дряхлой, чем всего мгновение назад, но никогда еще она не источала столь зримую смертельную угрозу.

Сразу же послышался топот босых ног: кто-то быстро шел, точнее, почти бежал по коридору. Карлотта встретилась взглядом с Нериссой, и край ее рта изогнулся в удовлетворенной усмешке. Нерисса благожелательно улыбнулась, как если бы общалась с желанным гостем на званом обеде. Казалось, внутренности ее скрутило в морской узел, но лицо прямо-таки светилось от благожелательности и добродушия.

Дверь распахнулась, но ни одна из женщин даже не шевельнулась. Элизабет подбежала к Нериссе. На ней была только ночная сорочка, распущенные золотые волосы свободно ниспадали на плечи, а тонкие черты ее лица светились еще большей красотой, чем раньше.

— О, Нерисса, мне приснился такой странный сон! Там было... Ой, ну надо же, — она захихикала, прижав пальцы к губам, — я забыла, что мне привиделось.

Нерисса с рассчитанной небрежностью обернулась и взглянула на сестру.

— Это очень занимательно, Элизабет, однако сейчас я принимаю очень важную гостью.

Элизабет, похоже, только заметила Карлотту и отступила на шаг.

— Простите, что побеспокоила. Не слишком-то вежливо с моей стороны... — Она выглядела обескураженной, ее напугала старуха, но Элизабет была слишком взволнована, чтобы сразу покинуть комнату. — Так мне... уйти?

Старуха взглянула на Элизабет, и девушка попыталась спрятаться за спинкой кресла Нериссы.

— Да, Элизабет, ступайте, — прохрипела Карлотта, сжав еще сильнее набалдашник трости. — И попрощайтесь с сестрой.

Нерисса прищурилась, а Карлотта улыбалась, и в гримасе ее сквозила жестокость; не осталось и намека на доброжелательность. Нерисса задержала взгляд на Карлотте, а затем искренне и ласково улыбнулась обеспокоенной сестре.

— Прощай, Элизабет, — прошептала она, и девушка невольно попятилась.

— Прощай, — неуверенно ответила Элизабет, а затем чуть ли не бегом покинула комнату.

— Приступим, — сказала Карлотта.

Она сняла колоду, и Нерисса, колеблясь, начала тянуть. Когда шесть карт оказались на столе, на нее вновь нахлынули сомнения. Она подавила нерешительность, намереваясь довести дело до конца. Затем Нерисса перевернула правую карту и постаралась справиться с волнением, обнаружив, что ей попался епископ звезд. Карлотта чуть слышно хмыкнула, выражая неодобрение, и открыла пятерку змей. Она обратила напряженный взгляд к Нериссе, и той пришлось сделать над собой усилие, чтобы не двинуться с места.

Она неуверенно протянула руку и под грубый смешок Карлотты перевернула левую карту. От двойки львов было мало проку. Нерисса взглянула на шкатулку, в то время как Карлотта уже поднесла руку к двум оставшимся у нее картам. Затем выбрала одну из них.

Она буквально возликовала, обнаружив, что заполучила архангела звезд. Она хихикала и ерзала в своем кресле, а у Нериссы кружилась голова. Это была самая старшая карта в колоде. Нерисса посмотрела на оставшуюся у нее карту, прекрасно понимая, что она уже ни на что не сможет повлиять, и все же...

— Ну же, дорогуша, — Карлотта даже не пыталась скрыть злорадство, — переверните карту, и покончим с этим.

Ее оскал стал еще более хищным, хоть это и казалось невозможным; Нериссу занимала отвлеченная мысль о том, как именно старая ведьма забирает сердца своих жертв. Может, высасывает через рот? Разрывает грудь своими пальцами, похожими на когти? Или просто вгрызается в плоть между ребрами, как огромная

мерзкая крыса?

Нерисса потрясла головой, стараясь отделаться от жутких фантазий, и улыбнулась своей визави.

— Разумеется, можно еще объявить ничью или поменять ставки... — Нерисса снова взяла шкатулку и провела пальцами по сапфиру, украшавшему гребень, а затем по драгоценным камням на рукояти кинжала.

— Нет, — отрезала старуха, подавшись вперед в кресле. — Вы согласились на ставки и проиграли. А теперь переверните карту, время завершить игру.

— Да, — сказала Нерисса голосом, холодным как сталь, — пора закончить игру.

Резким движением Нерисса вытащила кинжал из ножен. Карлотта вскрикнула и подняла трость, собираясь отразить удар. Навершие трости озарило неестественно яркое пламя. Но Нерисса повернула кинжал и вонзила лезвие себе в грудь. Из раны хлынула багряная кровь, оросив карты. Карлотта отскочила, рыча от животной ярости. Брызги ярко-красной артериальной крови падали на стол все реже и реже; совсем скоро глаза Нериссы закатились, и она упала обратно в свое кресло. Теперь кровь вытекала из нее медленно, постепенно пропитывая парчу корсажа.

Карлотта долго сидела без движения, прерывисто дыша и облизывая покрытые чешуей губы раздвоенным кончиком языка. Она перевела взгляд с остывающего тела на карты, оставшиеся на столе.

До нее донесся топот босых ног Элизабет. И тут Карлотту охватило все растущее разочарование и недовольство: она осознала, что чары, наложенные на девушку, будут действовать, пока игра не закончится. Старуха зашипела и протянула руку, чтобы перевернуть последнюю карту Нериссы, но замялась. Теперь это бесполезно, ведь уговор нарушить нельзя.

«Пока я не открою последнюю карту», — сказала Нерисса.

С большим усилием Карлотта поднялась на ноги, тяжело опираясь на трость.

— Отлично сыграли, милочка. И вправду отлично.

Она отвернулась от окровавленных карт и медленно захромала к выходу, преодолевая боль.